

Регионализмы в системе местной географической терминологии Забайкалья

Жамсаранова Р.Г.

Полевое обследование региона на предмет сбора микротопонимических названий включает в себя и сбор диалектной лексики русского языка, которую можно определить и как регионализмы. Естественно, что большая часть диалектной лексики такого региона как Восточное Забайкалье имеет явно заимствованный характер из монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и поэтому имеет общеалтайское языковое происхождение.

Однако в собранном корпусе местной географической терминологии Забайкалья обнаружился ряд географических терминов, которые лексически и семантически объяснимы только из самодийских языков. Лексема *тинигус*, обозначающая процесс подъема в гору, «восхождение в гору, в сопку», имеет повсеместное распространение в Борз., Алек.-Завод., Нерч.-Завод., Газимуро-Завод., Нерч., Срет. и др. районах Забайкалья [ПМ 2004-2009 гг.]. Это слово как *танигус/тенигус* со значением «подъем в гору; дорога, идущая в гору» имеет фиксацию в известном словаре Л.Е. Элиасова «Словарь русских говоров Забайкалья», которым в среде старожильского населения обозначается дорога или отрезок пути на долгий, затяжной и высокий перевал. В Борзинском районе записано значение термина *тинигус* как «таежная тропа в гору» [ПМ: 2006 г.].

Этимологический анализ термина *тинигус* позволяет сопоставить это слово с ненецким *таң* 'подъем' [НРС, 1965], *таңабць*'(н) 'подъем в гору' [РНС, 1948]. Как видно, термин *тинигус*, имеющий фиксацию более позднего времени в местных русских говорах в сравнении с лексемой *танигус/тенигус* Л.Е. Элиасова, которое было записано гораздо ранее, имеет явно выраженное влияние русского языка, выраженное в изменении корневой гласной –а- в –и-. Морфемное *-гус* диалектного *танигус/тенигус/тинигус* могло образоваться в русском говоре от ненецкого ауслатного –ң или –бць'(н) слов *таң* и *таңабць*'(н) 'подъем в гору' или, что предпочтительнее, при посредстве селькупского языка.

В селькупском диалектном присутствует лексема *йгу* 'тащить, волочить' [СРДС, 262]. С этой лексической основой в селькупском много таких слов, как *вэдигу* /кет./ 'поднять, подняться'; *тючеугу* 'спуститься'; *тютёугу*; *тютёлгу* 'слезть; спуститься'; *тюгу* 'прийти' и проч. Регионализм *тинигус* может иметь общесамодийское происхождение,

как производное от ненецкого *таң* и *йгу* ‘тащить, волочить’, приобретшее вид лексемы *танигус*, обозначающее подъем в гору.

Термин *лыва* имеет не столь широкое распространение в местных говорах по сравнению со словом *тинигус*, однако записан нами в ряде районов [Борз., Оловян., Нерч., Срет., Алек.-Завод., Газ.-Завод, Нерч.-Завод. ПМ: 2006-2007 гг.]. При этом семантическое значение забайкальского диалектного *лыва* как, например, «огромная лужа посреди улицы» [Борз., ПМ: 2006 г.] изменилось по сравнению с первичным значением ненецкого *лыва* ‘неширокая глубокая речка (протекающая по низменной болотистой местности)’ [НРС, 1965].

В языке-источнике – ненецком – семантически и лексически близкие к слову *лыва* являются апеллятивы *лымба(сь)* ‘быть болотистым, вязким; зыбким (о почве); быть заболоченным, быть болотом’; *лымбад* ‘болото; трясина’; *лымбаца* ‘вязкое, болотистое место’ [НРС, 1965]; а также *лымбад* ‘болото’, *лымбада* ‘лавы ‘заболоченный (о местности)’, *лымбаца* ‘вязкий (болотистый)’ [НРС, 1948]. Заметим, что термин *лыва* отмечен в восточных районах Забайкалья, где местный рельеф отличается наличием низких, заболоченных мест с вязкой, зыбкой почвой [ПМ: 2009].

Сопоставление МГТ может служить иллюстрацией явления интерференции, когда лексико-семантическая основа терминов, обозначающих сырое, низменное место с кочкарником, как корневая основа термина самодийского языкового происхождения, «вошла» органично в структуру других, неродственных языков. Явление интерференции, таким образом, способно «высветить» не только языковую, но и историческую лакуну – прошлое народов отдельного региона, в т. ч. разрешение вопроса об их этнической и праязыковой принадлежности. Распространение географической терминологии в определенном ареале, поддержанное функционирующими топонимическими названиями субстратного языкового происхождения, позволяет заявить о перспективности обследования диахронного языкового ареала.

1. Ненецко-русский словарь / сост. Н.М. Терещенко. – М., 1965. – 942 с.
2. Русско-ненецкий словарь / сост. А.П. Пырерка, Н.М. Терещенко / Под ред. И.М. Мещанинова. – М., 1948.
3. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005.- 348 с.
4. Элиасов, Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. – М.: Наука, 1980. – 472 с.